

Научная статья

УДК 341

EDN DGFNCF

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).529-536

НОВАЯ ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В РАМКАХ БОРЬБЫ С ДОПИНГом, ИЛИ ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН «ЗАКОНА РОДЧЕНКОВА»

И.В. Ушанков, Н.В. Зайцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать

31 августа 2022 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2022 г.

Ключевые слова

Антидопинговые споры; Всемирное антидопинговое агентство; Закон Родченкова; уголовная юрисдикция

Финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Аннотация. На сегодняшний день существует множество проблем, присущих развитию антидопинговой культуры в мире. В настоящей статье представлен анализ принципа экстерриториальности уголовного закона применительно к «Закону Родченкова».

Информационные войны, использование иных стандартов доказывания в допинговых спорах, применение механизмов коллективной ответственности к «чистым» спортсменам и в конечном счете появление «Закона Родченкова» — все это послужило началом дестабилизирующих изменений в спорте высоких достижений. Цель настоящего исследования состоит в определении особенностей практики распространения уголовных норм за пределы национальной юрисдикции в рамках борьбы с допингом.

Авторами рассматривается зарубежный опыт использования экстерриториальности США с точки зрения доктрины эффектов (effects doctrine). Определяется, что экстерриториальность как правовое явление, пропагандируемое США, противоречит Уставу ООН, ставит под сомнение всемирные антидопинговые правила Всемирного антидопингового агентства, фактически дублируя закон в рамках только своей юрисдикции.

Представляется, что экстерриториальный характер права — это исключительная и невозможная при нормальном положении вещей правовая конструкция, применение которой («Закон Родченкова») может привести к потере духа чистого спорта.

Определяется, что единообразие набора правил для всех спортсменов, организаций и иных лиц в спорте высоких достижений — основа антидопинговой программы Всемирного антидопингового агентства. Рассматривается практика антидопинговых расследований. Отмечается необходимость соблюдения баланса интересов сторон в процедурных моментах проведения допингового контроля с сохранением при этом принципа честной игры.

Обобщен исторический опыт и представлена практика распространения уголовных норм за пределы национальной юрисдикции в рамках борьбы с допингом.

Original article

NEW LEGAL REALITY: EXTERRITORIALITY OF CRIMINAL LAW AS PART OF THE FIGHT AGAINST DOPING, OR THE LEGAL PHENOMENON OF THE «RODCHENKOV ACT»

Ilya V. Ushankov, Natalya V. Zaitseva

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2021 December 22

Accepted

2022 August 31

Available online

2022 September 30

Abstract. The development of the world anti-doping culture is currently accompanied by numerous problems. This article presents an analysis of the principle of extraterritoriality of criminal law in connection with the «Rodchenkov Act».

Information wars, the application of alternative standards of proving, the use of collective liability mechanisms towards «clean» athletes and, finally, the «Rodchenkov Act» — all of these initiated destabilizing changes in high-performance sport.

The goal of current research is to determine the specific features of the practice of extending criminal norms beyond the national jurisdiction as part of fighting against doping.

The authors analyze the foreign experience of using the extraterritoriality of the USA from the standpoint of the effects doctrine. It is stated that, as a legal phenomenon,

Keywords

Anti-doping disputes; World Anti-Doping Agency; Rodchenkov Anti-Doping Act; criminal jurisdiction

Acknowledgements

The article was written within the RANEPА state-sponsored research program

the USA-promoted extraterritoriality contradicts the UNO Charter, and undermines the global anti-doping rules of the World Anti-Doping Agency (WADA) by actually duplicating the law within just the limits of its own jurisdiction.

It appears that the extraterritorial character of law is a legal construction that is exceptional and impossible in the normal course of events whose application (the «Rodchenkov Act») could result in the loss of the spirit of «clean sport».

It is determined that the uniformity of rules for all athletes, organizations and other persons in high-performance sport is the basis of WADA's anti-doping program. The practice of anti-doping investigations is examined. The authors stress the necessity of keeping the balance between the interests of the sides in the procedures of doping control while observing the principle of fair play.

The authors have summarized the historical experience and presented the practice of extending criminal norms beyond the borders of national jurisdiction as part of fighting against doping.

Развитие технологий и новых способов обойти установленные допинговые ограничения в спорте высоких достижений сопровождается радикальными переменами в социально-правовой и политической жизни общества. Они, в свою очередь, побуждают государства трансформировать установленные подходы к порядку взаимоотношений между государством и личностью.

Так, принятие Соединенными Штатами Америки «Закона Родченкова» — акта, выходящего за пределы национальной юрисдикции, может перечеркнуть усилия мирового сообщества в борьбе за чистый спорт, ведь, как сказал великий классик, «благими намерениями выложена дорога в ад («Hell is paved with good intentions»)» [1].

США рассматривают иностранных граждан как средство для достижения своих глобальных целей, как маленькие элементы одного большого механизма. Обеспечение прав спортсменов, в том числе на справедливое судебное разбирательство [2], отодвигается на второй план.

Соответственно, происходит смещение целевых ориентиров, задач и функций, выполняемых Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА), а также отстранение государственных органов и должностных лиц, ведущих борьбу с преступностью и осуществляющих уголовное судопроизводство [3].

Современные способы и средства доказывания, особый статус участников процесса в антидопинговых спорах все больше напоминают «квазиуголовный» процесс [4], в котором процедурный момент сосредоточен на обвинении [5].

Несмотря на очевидное сходство между уголовным процессом и антидопинговыми процедурами, а также значимость последствий антидопинговых нарушений, необходимо отметить, что санкции, налагаемые за нарушения антидопинговых правил, не носят уголовного

характера [6]. Именно поэтому на них должны распространяться общие стандарты процессуальной справедливости (ст. 6 Европейской конвенции по правам человека¹).

Страны по-разному квалифицируют нарушения в сфере употребления допинга: это может быть составом преступления в рамках уголовного права, административным правонарушением или иметь самостоятельный состав в рамках государственного регулирования спорта [7, с. 44].

В самом же Кодексе ВАДА указано², что рассмотрение антидопинговых споров не является уголовным или гражданским процессом и данный вопрос вынесен за пределы национальной юрисдикции. Таким образом, проблема, рассматриваемая в данной статье, приобретает особый смысл.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии правового феномена экстерриториального действия уголовного права в условиях борьбы с допингом.

Современная статистика отражает тенденцию к мировым современным антидопинговым расследованиям, позволяющим отстранять от участия в международных соревнованиях как отдельных спортсменов, так и спортивные организации, уличенные в использовании допинга для достижения высоких спортивных результатов [8].

Необходимо отметить тот факт, что Соединенные Штаты Америки являются страной, занимающей лидирующее положение в большом спорте. Их спортсмены завоевали самое большое количество медалей за всю историю Олимпийских игр — всего более 2 500, в том числе более 1 000 золотых. Часто получение наград сопровождалось крупными международными

¹ URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/317.pdf>.

² URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf.

скандалами, не связанными с принятием решений о привлечении к уголовной ответственности, выходящей за пределы своей национальной юрисдикции.

Однако принятый в США «Закон Родченкова»³, содержащий положение об устранении «допингового мошенничества» в международном спорте, допускает привлечение тренеров и чиновников к ответственности за нарушение антидопинговых правил на соревнованиях, в которых непосредственно участвуют американские спортсмены или которые вовлечены в финансовые связи с Соединенными Штатами. Любой бизнес, спортивный руководящий орган или страна, планирующая получить прибыль от допингового мошенничества в международном спорте или в рамках крупных мероприятий, должны будут противостоять не только ВАДА, но и Министерству юстиции США.

О существовании в России государственной программы поддержки допинга стало известно от Григория Родченкова, показания которого были положены в основу доклада Макларена в 2016 г. В нем был подробно описан процесс подмены проб и участие ряда лиц в организации государственной поддержки допинга в России [9]. Способы тестирования на тот момент не позволяли обнаружить запрещенный препарат у спортсменов. Метод повторного анализа проб, предложенный Г.М. Родченковым, позволил обнаружить данный препарат у спортсменов из России и Европы. Тем самым Родченков приобрел статус информатора — лица, на показаниях которого строится большинство расследований.

Достаточно интересен статус информатора как альтернатива статусу свидетеля. В системе общего права существует три категории свидетелей, которые могут быть вызваны для дачи показаний в суд со стороны защиты или обвинения по уголовному делу: очевидцы, свидетели-эксперты и свидетели-персонажи [10].

Нельзя не упомянуть *статус* информатора как *соучастника*. В доктрине уголовного права не сформировался единый подход к сделкам о признании вины, поскольку они, с одной стороны, ускоряют судебное разбирательство и гарантируют осуждение, а с другой — препятствуют назначению справедливого наказания. Так, исследования, проведенные в Соединенных Штатах, показали, что обвиняемые, признающие себя виновными, получают менее суровые приговоры, чем обвиняемые, которые решили

осуществить свое право на судебное разбирательство [11].

«Закон Родченкова» не только предусматривает преследование лиц, стоящих за допинговыми заговорами, но и направлен на защиту информаторов от возмездия. В результате криминализации допинговых заговоров такие информаторы будут включены в существующие законы о защите свидетелей и информаторов.

ВАДА выразило некоторую озабоченность по поводу рассогласования «Закона Родченкова» с мерами, предусмотренными Кодексом ВАДА.

Статья 10.7 Кодекса ВАДА позволяет данной организации приостанавливать действие или уменьшать степень своих санкций в отношении спортсмена или другого лица, если это лицо оказывает «существенную помощь», что приводит к раскрытию или доказыванию дальнейших нарушений. Сотрудничество спортсменов, персонала спортсмена и иных лиц, признающих свои ошибки и желающих пролить свет на другие нарушения антидопинговых правил, важны в борьбе за чистый спорт (примеч. к ст. 10.7.1 Кодекса ВАДА).

Кроме того, ст. 2.11 последней версии Кодекса ВАДА вводит два новых нарушения антидопинговых правил в существующий список:

1. «Любое действие, которое угрожает другому Лицу или направлено на его запугивание с намерением отговорить Лицо от добросовестного сообщения информации, относящейся к предполагаемому нарушению антидопинговых правил или предполагаемому несоблюдению Кодекса...».

2. «Преследование лица, которое добросовестно предоставило доказательства или информацию, относящуюся к предполагаемому нарушению антидопинговых правил или предполагаемому несоблюдению Кодекса...».

Эти нарушения специально разработаны для защиты информаторов, и неудивительно, что ВАДА обеспокоено тем, что «Закон Родченкова» может вмешаться в действие Кодекса.

Особенностью «Закона Родченкова» является распространение правовых норм за пределы национальной юрисдикции и применение принципа экстерриториальности. Принцип экстерриториальности понимается Соединенными Штатами очень широко. Также стоит отметить, что США достаточно давно практикуют экстерриториальный подход в вопросах уголовного права:

1. Foreign Account Tax Compliance Act (FATCA)⁴ — закон о соблюдении налогового зако-

³ URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ206/PLAW-116publ206.pdf>.

⁴ URL: <https://www.irs.gov/businesses/corporations/foreign-account-tax-compliance-act-fatca>.

нодательства по иностранным счетам, который был принят в рамках Закона о найме. Он требует, чтобы иностранные финансовые учреждения и некоторые другие нефинансовые иностранные организации сообщали об иностранных активах, принадлежащих их владельцам счетов в США.

2. Принятый в 2001 г. и действовавший в США до 1 июня 2015 г. Патриотический акт (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act) также исходил из экстерриториального принципа действия в ряде аспектов регулирования.

3. Поправки к Федеральным правилам производства по уголовным делам 2016 г. (The Federal Rules of Criminal Procedure) допускают в том числе возможность принятия судами решений о санкционировании доступа к компьютерам, находящимся за пределами США.

В случае если имеются признаки состава преступления и невозможно применить уголовный закон исходя из места его совершения, действует принцип экстерриториальности, что в полной мере соответствует принципам справедливости [12].

Рассматривая содержание «Закона Родченкова», нельзя не остановиться на факте его ретроспективного применения к сложившимся правоотношениям. Суть требований данного закона сводится к ухудшению положения субъектов соревнований, если на момент взятия проб запрещенных веществ у них не было, но по завершении соревнований они были обнаружены (в том числе с использованием новых методов). Речь идет о тех отношениях, когда соревнование уже закончилось, об *ex post facto* (нем. *Gesetz ex-post-facto*).

Встает вопрос: правомерно ли применять срок давности для проведения дополнительного анализа?

Обоснованием такого подхода служит развитие науки и техники, за действиями и достижениями которой не успевают функционеры ВАДА: «Для того чтобы иметь возможность дополнительного анализа, то есть использовать усовершенствованные аналитические методы, требуется достаточное время, необходимое для введения в действие таковых»⁵.

Считаем достаточно спорным решение наказывать спортсменов уже после проведения всех тестов и окончательного оглашения результатов соревнований.

⁵ Arbitration CAS 2017/A/4973 Chunhong Liu v. International Olympic Committee...

Теоретически процедура повторного тестирования могла бы быть применимой в спортивном сообществе, если бы:

– она была понятной и прозрачной, т.е. если бы имелись убедительные и достаточные доказательства «усовершенствования аналитических методов»;

– спортивная организация могла описать и доказать, какие действия производятся с ранее отобранными пробами;

– в случае рассмотрения допинговых споров как «квазиуголовных» процессов применялся принцип презумпции невиновности [13, с. 175].

Тем не менее не все ученые согласны с применением принципа презумпции невиновности в спорте. Причиной этому служит специфика гражданско-правовых отношений, возникающих между субъектами [14, с. 189].

По общепринятому правилу действие юрисдикции — уголовной, гражданской или административной — строго территориально. «По крайней мере, в качестве презумпции юрисдикция имеет территориальный характер», — указывал Я. Броунли [15]. Это значит, что по вышеуказанному правилу юрисдикция не распространяется за пределы государственной территории.

В юридической литературе отмечена возможность использования понятия экстерриториального действия права в узком и широком смысле. В узком смысле данную правовую конструкцию следует понимать как совокупность юридически значимых распоряжений или фактов действительности, принятых на территории иностранного государства [16]. В широком — как отсутствие установленной правовой связи между нормативным актом государства и территорией его действия.

При этом в зарубежной литературе часто проводится различие между экстерриториальностью (от лат. *ex* и *territoralis* — *внеземельность*) и экстратерриториальностью права. В первом случае речь идет о дипломатических иммунитетах в соответствии с международным правом. Во втором имеется в виду признание и применение иностранного права, т.е. распространение юрисдикции за пределы границ государства, что может рассматриваться как «установление международного сервитута путем постановления национального принципа над территориальным принципом» [17].

Исследователь Е.В. Белякович рассматривает экстерриториальность как действие правовых норм за пределами принявшего их государства

и отождествляет их с экстерриториальностью [17, с. 93–96]. В целом понятие «экстерриториальность» используется тогда, когда речь идет о действии юридических норм за пределами государства, их принявшего.

Однако, как показывает практика, из каждого правила есть исключения. В какой же степени международное право позволяет стране осуществлять экстерриториальную уголовную юрисдикцию? По сути, это вопрос национальных интересов. Чьим национальным интересам служит экстерриториальное применение, а чьи интересы страдают от него?

Наиболее распространенная классификация этих интересов отсылает к исследованию Гарвардской школы права 1935 г. В нем национальные интересы были условно разделены на пять категорий, или принципов:

- территориальный принцип;
- принцип гражданства;
- принцип пассивной правосубъектности, связанный с преступлениями, совершенными против его граждан;
- принцип защиты интересов людей как нации;
- универсальный принцип, согласно которому преступления подлежат всеобщему осуждению.

Обсуждение научным сообществом проблем экстерриториального действия законов находит свое отражение и в настоящее время. Так, профессор международного публичного права Э. Хименес де Аречага указывает на то, что действие законов большинства государств простирается за пределы национальной территории [18, с. 269].

Данный вопрос не раз рассматривался в практике Европейского суда по правам человека: «Впервые Суд серьезно столкнулся с экстерриториальной юрисдикцией в делах, инициированных против Турции в связи с событиями в так называемой Турецкой республике Северного Кипра (ТРСК). В деле «Лоизиду против Турции» Суд заявил: «С учетом предмета и цели Конвенции ответственность Договаривающейся Стороны также может возникнуть, явившись результатом военного действия — законного или незаконного, таким образом, при обеспечении эффективного контроля за пространством, находящимся за пределами ее национальной территории» [19, с. 189].

Возвращаясь к «Закону Родченкова», нельзя обойти вниманием и геополитический контекст экстерриториальной экспансии американской

юрисдикции, в которой присутствуют такие характеристики, как уверенность в глобальной силе американского правосудия, активное распространение англосаксонского прецедентного права на сферу международного частного права, посягательство на имущество физических и юридических лиц⁶ вне территории их регистрации и даже прямое указание в тексте «Закона Родченкова» на его экстерриториальное применение.

Наиболее ярко намерения Конгресса США установить экстерриториальную юрисдикцию прослеживаются в случаях, когда расследование совершенного за рубежом преступления требует проведения каких-либо действий в другой стране или ущерб от правонарушений проявляется внутри США. Причиняемый вред внутри государства — основной мотив применения экстерриториальной юрисдикции для США⁷. В знаменитом деле *Alcoa* (*Aluminium Company of America*)⁸ была сформулирована доктрина эффектов (*effects doctrine*) в ее неограниченном виде. Согласно этой доктрине, американское антимонопольное законодательство распространяет свое действие на то поведение, которое имеет эффект на территории США, даже если оно и происходит за рубежом⁹.

Обращаясь к истории, необходимо отметить, что широкая экстерриториальность американского права начиналась с антимонопольного законодательства — с известного Акта Шермана 1890 г. (*Sherman Act 1890*¹⁰), который имел прямо установленное непосредственное экстерриториальное действие. Из такого действия, установленного Конгрессом США в рамках своей юрисдикции предписывать (*jurisdiction to prescribe*), вытекала юрисдикция американских судов рассматривать и разрешать дела (*jurisdiction to adjudicate*), предполагающие применение американских антимонопольных законов¹¹.

⁶ Cuban Liberty and Democracy Solidarity (Libertad) Act of 1996. Pub. L. 104–114, 110 Stat. 785 (12 March 1996). 22 U.S.C. § 6021.

⁷ The International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), Title II of Pub. L. 95–223, 91 Stat. 1626, enacted 28 October 1977. 50 U.S.C. § 1701 et seq.

⁸ United States v. *Alcoa*, 148 F.2d 416 (2d Cir. 1945).

⁹ *Hartford Fire Insurance Co. v. California*, 113 S. Ct. 2891 (1993).

¹⁰ 15 U.S.C. § 1–7.

¹¹ О взаимосвязи юрисдикции и применимого права в американском праве (и о subject matter jurisdiction) прямо говорил Верховный Суд США — например, в деле *Hartford* (*Hartford Fire Insurance Co. v. California*, 113 S. Ct. 2891 (1993)).

Истории известны попытки Соединенных Штатов распространить свою юрисдикцию на зарегистрированные в Европейском экономическом сообществе и действующие в Европе компании исключительно на основании контроля со стороны акционеров США [20], которые подверглись критике Сообщества в 1982 г.¹²

Помимо антимонопольного права, существуют и иные сферы, в которых экстерриториальность американского права зависит от установления американским судом своей юрисдикции: защита прав человека, вопросы экологии, регулирование рынка ценных бумаг и некоторые другие сферы.

В 2021 г. (в рамках поставки допинга спортсменам на Олимпийских играх в Токио) американской прокуратурой впервые был применен «Закон Родченкова». Так, обвинения были предъявлены Эрику Лиру — врачу, подозреваемому в снабжении запрещенными препаратами и консультировании по их приему нигерийской легкоатлетки Блессинг Окагбаре¹³.

В международном праве достаточно давно поставлена [21], но исследована лишь фрагментарно проблема юридической этики в регулировании экстерриториального действия национальных законов.

Необходимо отметить, что в юридической практике США в течение длительного времени формировалась доктрина о допустимости вмешательства во внутренние дела других государств по так называемым гуманитарным причинам. Практика же показывает, что применение силы в одностороннем порядке, в обход Совета Безопасности, становится тенденцией [22].

Так, в последние годы участились случаи экстерриториальности уголовного права США, применяемого в одностороннем порядке. Экстерриториальное действие уголовного закона происходит тогда, когда иностранных граждан привлекают к уголовной ответственности за преступления, совершенные вне пределов государства, которое инициирует уголовное дело. Следует признать необходимость подобных действий в исключительных случаях. Например, Российская

Федерация была вынуждена применить принцип экстерриториального действия Уголовного кодекса РФ даже к членам Совета Европы соседних государств (дело Надежды Савченко), тем самым показав необходимость признания права на жизнь человека в качестве универсальной и абсолютной ценности, которая выше принципа равенства государств и государственного суверенитета.

Практика криминализации допинговых нарушений существует в ряде стран, таких как Германия, Австрия, Дания, Франция, Италия, Швейцария, Испания и др. Однако в них принцип экстерриториального действия уголовного права не нашел применения.

В отношении США истинной абсолютной ценностью «Закона Родченкова» не являлась борьба за чистый спорт. В данном случае «Закон Родченкова» нацелен не на спортсменов, а только на прагматические цели.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать следующее:

1. В научном юридическом сообществе нет единого мнения о сути допинговых споров и отнесения их к уголовным или гражданским процессам.

2. Особенностью и спецификой «Закона Родченкова» является распространение уголовных правовых норм США за пределы национальной юрисдикции и применение принципа экстерриториальности.

3. «Закон Родченкова» может привести к тому, что любые другие страны примут аналогичное законодательство, тем самым подвергнув граждан и спортивные организации Америки аналогичным экстерриториальным юрисдикциям и уголовным санкциям, многие из которых могут быть политическими по своему характеру или являться дискриминационными по отношению к определенным национальностям, что может привести к негативным последствиям в антидопинговых усилиях государств мира.

4. Гармонизация антидопинговых правил — основа глобальной антидопинговой программы ВАДА. «Закон Родченкова» в его нынешней форме может привести к дублированию законов в разных юрисдикциях, что поставит под угрозу наличие единого набора правил для всех спортсменов, всех видов спорта, всех антидопинговых организаций, подпадающих под действие Всемирного антидопингового кодекса.

5. Пропагандируемое США понятие экстерриториальности представляет собой опасное явление, которое нарушает суверенитет других го-

¹² Comments of the European Community on the Amendments of 22 June 1982 to the US Export Administration Regulations, 12 August 1982. EC Information Service. URL: http://aei.pitt.edu/1768/1/US_dispute_comments_1982.pdf.

¹³ URL: <https://www.reuters.com/lifestyle/sports/us-announces-doping-charges-against-therapist-related-tokyo-olympics-2022-01-12>.

сударств, что противоречит Уставу ООН, а также права и интересы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека и иных международных документах в отношении лиц, не находящихся в какой-либо правовой связи с США (граждан других государств), что диссонирует с целями права.

6. Экстерриториальный характер права — это исключительная и невозможная при нормальном положении вещей правовая конструкция, требующая согласования интересов государств в форме международного договора или правового обычая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boswell J. *The Life of Samuel Johnson*, LL.D. / J. Boswell. — London, 1791. — 516 p.
2. Dasgupta L. *The World Anti-Doping Code: Fit for Purpose?* / L. Dasgupta. — London, 2019. — 188 p.
3. Pielke R.A. Scientific Integrity and Anti-Doping Regulation / R.A. Pielke, E. Boye. — DOI 10.1080/19406940.2019.1596968 // *International Journal of Sport Policy*. — 2019. — Vol. 11, iss. 2. — P. 1–19.
4. Connolly R. Balancing the Justices in Anti-Doping Law: the Need to Ensure Fair Athletic Competition through Effective Anti-Doping Programs vs the Protection of Rights of Accused Athletes / R. Connolly // *Virginia Sports and Entertainment Law Journal*. — 2006. — Vol. 5, iss. 2. — P. 161–233.
5. Lambert M. The Competing Justices of Clean Sport: Strengthening the Integrity of International Athletics while Affording a Fair Process for the Individual Athlete under the World Anti-Doping Program / M. Lambert // *Temple International and Comparative Law Journal*. — 2009. — Vol. 23, iss. 2. — P. 409–441.
6. Hesser B. Cooperation and Reporting Obligations in Sports Investigations / B. Hesser. — DOI 10.1007/s40318-020-00169-5 // *International Sports Law Journal*. — 2020. — Vol. 20, iss. 3-4. — P. 145–156.
7. Кухарук В.В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе / В.В. Кухарук. — EDN XQDDOP // *Право и политика*. — 2018. — № 5. — С. 42–51.
8. Ohl F. Fight against Doping as a Social Performance: The Case of the 2015–2016 Russian Anti-Doping Crisis / F. Ohl, B. Fincoeur, L. Schoch. — DOI 10.1177/1749975520977345 // *Cultural Sociology*. — 2021. — Vol. 15, iss. 3. — P. 386–408.
9. Ohl F. The Toxic Doxa of «Clean Sport» and IOC's and WADA's Quest for Credibility / F. Ohl, L. Schoch, B. Fincoeur. — DOI 10.1177/1012690220977351 // *International Review for the Sociology of Sport*. — 2021. — Vol. 56, iss. 8. — P. 1116–1136.
10. Gustafsson P.U. Predicting Accuracy in Eyewitness Testimonies with Memory Retrieval Effort and Confidence / P.U. Gustafsson, T. Lindholm, F.U. Jönsson. — DOI 10.3389/fpsyg.2019.00703 // *Frontiers in Psychology*. — 2019. — № 10. — P. 246.
11. Viano E.C. Plea Bargaining in the United States: a Perversion of Justice / E.C. Viano. — DOI 10.3917/ridp.831.0109 // *Revue Internationale de Droit Pénal*. — 2012. — Vol. 83, iss. 1-2. — P. 109–145.
12. Johnson G. Natural Justice and Legitimate Expectation in Australia / G. Johnson. — DOI 10.1177/0067205X8401500102 // *Federal Law Review*. — 1985. — № 75. — P. 71.
13. Васильев И.А. Особенности использования доказательств и специфика процесса доказывания в спортивном арбитражном суде (CAS) / И.А. Васильев, Н.Н. Кислякова, С.А. Юрлов. — DOI 10.17323/2072-8166.2019.5.167.198. — EDN SWTQQY // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — № 55. — С. 167–198.
14. Пенцов Д.А. Развитие норм международного спортивного права в решениях Спортивного арбитражного суда и Федерального трибунала Швейцарии в 2016–2017 гг. / Д.А. Пенцов. — EDN YYXJB // *Новые горизонты международного арбитража* : сб. ст. / ред. А.В. Асосков, А.И. Муранов, Р.М. Ходыкин. — Москва, 2018. — С. 180–214.
15. Brownlie I. *Principles of Public International Law* / I. Brownlie. — 5th ed. — New York : Oxford Univ. Press, 2003. — 742 p.
16. Самарин А.А. Экстерриториальное действие права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Самарин. — Нижний Новгород, 2016. — 31 с.
17. Белякович Е.В. Пространственное действие правовых норм / Е.В. Белякович. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — 141 с.
18. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / Э. Хименес де Аречага. — Москва : Прогресс, 1983. — 480 с.
19. Кожеуров Я.С. «Эффективный всеобщий контроль» в практике Европейского Суда по правам человека: «Империализм прав человека» или большая путаница? / Я.С. Кожеуров. — DOI 10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193. — EDN WKFBVN // *Актуальные проблемы российского права*. — 2016. — № 4 (65). — С. 184–193.
20. Гландин С.В. Экстерриториальность американских санкций в действии / С.В. Гландин. — EDN XRUBDN // *Международное правосудие*. — 2018. — № 2 (26). — С. 105–122.
21. Корецкий В.М. Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права / В.М. Корецкий. — Москва : Юрид. изд-во, 1948. — 396 с.
22. Сазонова К.Л. Миротворческая доктрина ООН и проблема применения силы в международном праве / К.Л. Сазонова. — EDN OPDILN // *Международное публичное и частное право*. — 2011. — № 6. — С. 19–23.

REFERENCES

1. Boswell J. *The Life of Samuel Johnson*, LL.D. London, 1791. 516 p.
2. Dasgupta L. *The World Anti-Doping Code: Fit for Purpose?* London, 2019. 188 p.
3. Pielke R.A., Boye E. Scientific Integrity and Anti-Doping Regulation. *International Journal of Sport Policy*, 2019, vol. 11, iss. 2, pp. 1–19. DOI: 10.1080/19406940.2019.1596968.
4. Connolly R. Balancing the Justices in Anti-Doping Law: the Need to Ensure Fair Athletic Competition Through Effective Anti-Doping Programs vs the Protection of Rights of Accused Athletes. *Virginia Sports and Entertainment Law Journal*, 2006, vol. 5, iss. 2, pp. 161–233.

5. Lambert M. The Competing Justices of Clean Sport: Strengthening the Integrity of International Athletics while Affording a Fair Process for the Individual Athlete under the World Anti-Doping Program. *Temple International and Comparative Law Journal*, 2009, vol. 23, iss. 2, pp. 409–441.
6. Hessert B. Cooperation and Reporting Obligations in Sports Investigations. *International Sports Law Journal*, 2020, vol. 20, iss. 3-4, pp. 145–156. DOI: 10.1007/s40318-020-00169-5.
7. Kukharuk V.V. Substances and (or) methods prohibited for the use in sport in criminal law. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2018, no. 5, pp. 42–51. (In Russian). EDN XQDDOP.
8. Ohl F., Fincoeur B., Schoch L. Fight Against Doping as a Social Performance: The Case of the 2015–2016 Russian Anti-Doping Crisis. *Cultural Sociology*, 2021, vol. 15, iss. 3, pp. 386–408. DOI: 10.1177/1749975520977345.
9. Ohl F., Schoch L., Fincoeur B. The Toxic Doxa of «Clean Sport» and IOC's and WADA's Quest for Credibility. *International Review for the Sociology of Sport*, 2021, vol. 56, iss. 8, pp. 1116–1136. DOI: 10.1177/1012690220977351.
10. Gustafsson P.U., Lindholm T., Jönsson F.U. Predicting Accuracy in Eyewitness Testimonies with Memory Retrieval Effort and Confidence. *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10, pp. 246. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00703.
11. Viano E.C. Plea Bargaining in the United States: a Perversion Of Justice. *Revue Internationale de Droit Pénal*, 2012, vol. 83, iss. 1-2, pp. 109–145. DOI: 10.3917/ridp.831.0109.
12. Johnson G. Natural Justice and Legitimate Expectation in Australia. *Federal Law Review*, 1985, no. 75, pp. 71. DOI: 10.1177/0067205X8401500102.
13. Vasil'ev I.A., Kislyakova N.N., Yurlov S.A. Issues of Using Evidence and the Process of Proof in the Court of Arbitration for Sport (CAS). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 55, pp. 167–198. (In Russian). EDN: SWTQQY. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.5.167.198.
14. Pentsov D.A. Development of Norms of International Sports Law in Awards of the Court of Arbitration for Sport and Decisions of the Swiss Federal Tribunal Rendered in 2016–2017. In Asoskov A.V., Muranov A.I., Khodykin R.M. (eds.). *New Horizons of International Arbitration*. Moscow, 2018, pp. 180–214. (In Russian). EDN: YYYXJB.
15. Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 5th ed. New York, Oxford University Press, 2003. 742 p.
16. Samarin A.A. *Exterritorial Force of Law. Cand. Diss. Thesis*. Nizhny Novgorod, 2016. 31 p.
17. Belyakovich E.V. *Territorial Force of Legal Norms*. Irkutsk State University Publ., 2012. 141 p.
18. Jimenez de Arechaga E. *El derecho internacional contemporaneo*. Madrid, Editorial Tecnos, 1980. 379 p. (Russ. ed.: Jimenez de Arechaga E. *Contemporary International Law*. Moscow, Progress Publ., 1980. 480 p.).
19. Kozheurov Ya.S. «An Effective Global Control» in the Practice of the European Court of Human Rights: «Human Rights Imperialism» or a Great Deal of Confusion? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2016, no. 4, pp. 184–193. (In Russian). EDN: WKFJBH. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193.
20. Glandin S.V. The Exterritorial Effect of American Sanctions. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2018, no. 2, pp. 105–122. (In Russian). EDN: XRUBDN.
21. Koretskii V.M. *Essays of the Anglo-Saxon Doctrine and Practice of International Private Law*. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Publ., 1948. 396 p.
22. Sazonova K.L. The UNO's Peacekeeping Doctrine and the Problem of the Use of Force in International Law. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2011, no. 6, pp. 19–23. (In Russian). EDN: OPDILN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушанков Илья Владимирович — доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: Ushankov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4793-9712>; SPIN-код: 1982-6972.

Зайцева Наталья Викторовна — доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: zaitsevanv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3636-8339>; ResearcherID: a/3347863.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ушанков И.В. Новая правовая действительность: экстерриториальное действие уголовного права в рамках борьбы с допингом, или Правовой феномен «Закона Родченкова» / И.В. Ушанков, Н.В. Зайцева. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).529-536. — EDN DGFNCF // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 4. — С. 529–536.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ushankov, Ilya V. — Ass. Professor, Chair of Legal Support of Market Economy, Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: Ushankov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4793-9712>; SPIN-Code: 1982-6972.

Zaitseva, Natalya V. — Ass. Professor, Chair of Legal Support of Market Economy, Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: zaitsevanv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3636-8339>; ResearcherID: a/3347863.

FOR CITATION

Ushankov I.V., Zaitseva N.V. New Legal Reality: Exterritoriality of Criminal Law as Part of the Fight Against Doping, or the Legal Phenomenon of the «Rodchenkov Act». *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 529–536. (In Russian). EDN: DGFNCF. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).529-536.